

Альбанского, как легатов а *latere*; они все трое имели поручение исцелить этот город, впавший в раскол, произведенный Апсельмом, и привести их в единство церкви. К вышеупомянутым прелатам, которых св. аббат принял себе в спутники, сообразно с выбором владыки Папы, он присоединил, согласно с общим желанием, преподобного Готфрида, епископа города Шартра, искренность которого и чистоту нравов он имел случай испытать во многих случаях. Действительно, кардиналам казалось благоразумным опереться на подобного помощника в деле столь важном. Когда посланные перешли Апеннины, и жители Милана узнали, что к их пределам приближается аббат, которого они так желали видеть у себя, весь народ вышел ему навстречу миль за семь перед городом; знатные и чернь, конные и пешие, люди зажиточные и бедные — все оставили город, покинули кров и, разделившись группами, в сплошных рядах приняли Божьего человека со знаками невероятного почтения; все целовали ему ноги; и хотя он терпел от подобного выражения преданности, но не мог от того освободиться никакими просьбами, ни отклонить силой восторги благочестивой ревности этой толпы, распростертой перед ним. Народ вырывал, как только мог, волосы из шерсти его одеяния и уносил с собой клочки бахромы, нашитой на платке, как верное средство против болезней, в уверенности, что все предметы, которые касались его, были святыней и что они сами, дотрагиваясь до него, приобретали святость. Обгоняя друг друга в своем следовании за аббатом, они издавали в честь его радостные крики; и только после того, как он долгое время был замкнут посреди волн бесчисленной толпы, его передали накопец заботам торжественного гостеприимства. Когда после приступили к публичному обсуждению

дела, по поводу которого этот Божий человек и кардиналы прибыли в Милан, город, забыв, так сказать, свое могущество и отказавшись от упорства, с таким уничижением подчинился святому аббату, что к его готовности повиноваться можно было справедливо применить известный стих поэта: «Должно, чтоб мы и могли, и хотели исполнить веленье».

Когда все несогласия были устранены, Милан примирился с церковью, и народ этого города увидел согласие восстановленным на прочных основаниях, святому аббату представились другого рода занятия. Дьявол, овладев телом нескольких несчастных, начал предаваться всем неистовствам безумного бешенства. Божий человек строго выговорил ему и противопоставил знамя Христа; тогда демоны, устрашенные и в трепете перешли великой доблестью, состязавшейся с ними, убежали из жилищ, которыми они овладели. Такова была новая задача Бернарда; ему предстояло не только окончить дела, важные для Рима, но и дать торжество вере в Божественный закон. В наше время было неслыханным делом увидеть, как тогда, и столько веры в народе, и столько добродетелей в одном человеке. Между миланцами и святым аббатом произошло даже благочестивое соревнование: он приписывал славу производимых им чудес искренности их вере; а они — его святости, твердо убежденные в том, что он получает от Бога все, чего бы ни попросил. Таким образом, они привели к нему без малейшего колебания женщину, известную всем, которую нечистый дух терзал целых семь лет, и настоятельно умоляли его изгнать именем Бога дьявола, который овладел ей, и возвратить ей прежнее состояние здоровья. Такая вера народа внушила Божьему человеку великую и боязливую робость; с одной стороны, в своем уничижении, дос-

---

АРНОЛЬД (ARNOLDUS. XII в.). Аббат Арнольд (*abbas Bonaevallis*) жил при св. Бернарде и писал вскоре после его смерти, около 1155 г., продолжая такой же труд другого современника Бернарда, писавшего при его жизни, монаха Вильгельма. Арнольд начинает свой рассказ с 1130 г. и останавливается на 1140 г.; его сочинение продолжал третий биограф Готфрид, дошедший до смерти св. Бернарда (см. о нем ниже). Об изданиях и критике сочинения Арнольда см. выше.